

LEYLAH ATTAR

The
Paper Swan

ЛЕЙЛА АТТАР

*Бумажный
лебедь*

INSPIRIA

Москва
2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
А92

Leylah Attar
THE PAPER SWAN

Copyright © 2015 by Leylah Attar
Фотография на обложке:

© Maja Topcagic / Stocksy United / Legion Media.

Школа перевода
В. Баканова

Аттар, Лейла.

А92 Бумажный лебедь / Лейла Аттар ; [перевод с английского Л. Галушкиной]. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-116255-9

Незнакомец похищает Скай Седжвик — дочь состоятельного бизнесмена. Скай думает, что ее похитили ради выкупа, но незнакомец оказывается равнодушен к деньгам. Он обращается с ней довольно грубо, но никогда не переходит черту.

Подслушав его телефонный разговор, Скай начинает подозревать, что его мотивы связаны с мстостью ее отцу. И у нее всего один шанс убедить похитителя сохранить ей жизнь. Сможет ли она им воспользоваться? К тому же их отношения с каждым днем становятся все более запутанными и чувственными.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-116255-9

© Галушкина Л., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Часть I
Скай

Глава 1

Это был отличный день для лабутенов¹. Даже знай я заранее, что иду на свидание со смертью, — выбрала бы именно эти туфли. Красные подошвы словно кричали убийце: «Пошел на хрен!»

*Пошел на хрен, урод, за то, что выбрал меня в бес-
толковые жертвы!*

*Пошел на хрен — ведь я даже лица твоего не увижу
перед смертью!*

*Пошел на хрен со своими кабельными стяжками, от
которых у меня порезы на запястьях!*

*И запомни: ни одна девушка не хочет умирать нака-
нуне двадцать четвертого дня рождения, когда ее свет-
лые волосы блестят после визита к парикмахеру, на ру-
ках — идеальный маникюр, а в мыслях — мужчина, ко-
торый, быть может, «тот самый»!*

Я хотела бы жить на зависть окружающим: шикарный выпускной, пышная свадьба, дом как в глянцевом журнале, пара идеальных ребятишек. Вместо этого я ока-

¹ Лабутены — туфли от дизайнера Кристиана Лубутена; главная отличительная черта — ярко-красная подошва (здесь и далее — прим. перев.).

Лейла Аттар

залась на коленях с мешком на голове, а в затылок мне уперлось холодное дуло. Но самое худшее — я не знала, почему это со мной происходит. Я не знала, почему должна умереть.

Впрочем, не все ли равно — случайность или коварный план? Убийства, надругательства, унижения, пытки. Понимаем ли мы причины насилия или вслепую клеим ярлычки на ящички, чтобы упорядочить хаос?

Преследовал корыстные цели.

Был психически болен.

Экстремист.

Ненавидел девиц с наращенные ногти.

Какой мотив припишут моему убийце?

Хватит! Ты еще не умерла. Дыши, Скай. И думай.

Думай.

Суденышко качалось на волнах; тяжелый дух лежащей мешковины назойливо лез в ноздри.

— *Что ты делаешь, Скай? — прозвучал в моей голове голос Эстебана.*

Я сражаюсь.

Сражаюсь и не отступаю.

У меня вырвался горький смешок.

Долгие годы я не вспоминала Эстебана, а он взял и уселся на краешек сознания, словно на подоконник моей спальни.

Я вспомнила, как утром проходила онлайн-тест.

«О ком вы думаете перед сном?»

Клик.

«Этот человек вам дороже всего».

Перед сном я никогда не думала об Эстебанае. Я думала о Марке Джейкобсе, Джимми Чу, Томе Форде и Май-

кле Корсе¹. Ведь, в отличие от друзей детства, они всегда оставались рядом. Когда, поддавшись соблазну, я приобретала их сверкающие творения, то спокойно ложилась спать, зная, что наутро покупки никуда не исчезнут. Например, любимые мною лабутены — игривые, цвета фуксии, с атласными ремешками, или другие — золотистые, с открытыми боковинами.

Хорошо, что я надела именно золотистые, на тонкой шпильке. Я представила заголовок в завтрашних газетах: «ТУФЛИ-УБИЙЦЫ». А ниже — фото: смертоносный каблук, вонзенный в тело моего похитителя.

Так все и будет, подбодрила я себя.

Дыши, Скай, дыши.

Однако я задыхалась в проклятом мешке, задыхалась от страха и обреченности. Это действительно происходило. Здесь, со мной. Вся жизнь я не знала бед, и даже сейчас внутренний голос нашептывал, что мироздание обо мне позаботится. Я цеплялась за безрассудную надежду. Меня так любили и ценили — неужели никто не спасет?

Щелкнул взведенный курок.

— Стойте! — прохрипела я.

Горло саднило, ведь я еще недавно визжала как ненормальная, когда очнулась, связанная, словно дикий кабан, в багажнике собственной машины. Я знала, что это мой багажник, потому что в нем пахло туберозой и сандаловым деревом: пару недель назад я брызнула туда духами.

Незнакомец схватил меня на парковке — выволок из небесно-голубого автомобиля с откидным верхом

¹ Марк Джейкобс, Джимми Чу, Том Форд, Майкл Корс — дизайнеры одежды, обуви и аксессуаров.

и прижал лицом к капоту. Я приготовилась расстаться с сумочкой, кошельком, машиной.

Забирай и уходи.

Как бы не так. Его не интересовали ни сумочка, ни кошелек, ни ключи от машины. Ему нужна была я.

Говорят, лучше кричать не «спасите!», а «пожар!», только я не успела издать ни звука, потому что мне заткнули нос и рот тряпкой, пропитанной хлороформом. Хлороформ — хитрая штука: от него не вырубаешься сразу, как показывают в кино. Я брыкалась и отбивалась целую вечность, пока руки-ноги не онемели, и все не провалилось во тьму.

Напрасно я закричала, как только пришла в себя. Уж лучше бы открыла багажник изнутри, выломала задние фары или сделала что-нибудь еще, о чем потом с гордостью поведала бы журналистам. Но знаете что? Панику так просто не заткнуть — визжащая, беснующаяся тварь сразу вырвалась на волю.

Мой похититель пришел в ярость. Я почувствовала это, как только он остановил машину и открыл багажник. Лица я не разглядела — лишь слепящий голубой фонарь над плечом. И сразу поняла, что дела плохи. Еще бы: подонок схватил меня за волосы, выволок наружу и затолкал в рот злополучную тряпку. А затем потащил к пристани — мычащую, со связанными за спиной руками.

Едкий запах хлороформа, пусть и слабый, вызвал у меня тошноту. Я уже захлебывалась рвотой, когда похититель вытащил тряпку у меня изо рта и надел мне на голову мешок. Больше я не кричала. Он мог позволить мне задохнуться, но не стал — выходит, я нужна была ему живой. По крайней мере, пока он не совершит задуманное. Изнасилует? Сделает рабыней? Потребует выкуп? В моей

голове зловещим калейдоскопом пронесли газетные заголовки и фрагменты криминальных репортажей. Я всегда сочувствовала жертвам, однако сразу же нажимала на пульт, переворачивала страницу — и ужасы исчезали.

Но *это* выключить не получалось. Я могла бы убедить себя, что вижу кошмарный сон, если бы голова не горела в тех местах, откуда мерзавец выдрал волосы. Впрочем, боль меня утешала. Она означала, что я еще жива. А пока я жива — жива и надежда.

— Стойте, — просипела я, когда он поставил меня на колени. — Не знаю, чего вам нужно... Но пожалуйста, не убивайте!

Похоже, я ошиблась: он не хотел оставлять меня в живых. Он не запер меня в подвале, не завел речь о выкупе. Не сорвал с меня одежду, дабы сполна насладиться моими страданиями. Он привез меня туда, где собирался убить, и ничто не мешало ему приступить к делу.

— Пожалуйста, — взмолилась я, — можно мне увидеть небо в последний раз?

Нужно было выгадать время, поискать выход. А если мне действительно пришел конец, я не хотела умирать во тьме, захлебываясь страхом и отчаянием. Я хотела вдохнуть полной грудью, ощутить соленый ветерок и брызги прибоя. Закрыть глаза и представить, будто сейчас воскресный полдень, а я — маленькая девочка с щербинкой между передними зубами — собираю ракушки вместе с МамаЛу.

Повисла тишина. Я не знала, как выглядит похититель, не слышала его голоса; лишь чувствовала, как позади маячит мрачная фигура, словно громадная кобра, готовая ужалить. Я замерла.

Он снял мешок с моей головы, и я ощутила холодок ночного бриза. Как только глаза привыкли к свету,

я разглядела на небе луну. Она была тут как тут — идеальный полумесяц из чистого серебра. На эту же луну я смотрела еще девчонкой, слушая нянины сказки.

— В день твоего рождения на небе висели тяжелые тучи, разбухшие от дождя, — говорила МамаЛу, поглаживая меня по голове. — Мы уже думали, грозы не миновать, и тут сквозь тучи пробился луч солнца. Мама держала тебя у окна и увидела, как в твоих серых глазках заплясали золотые искорки. В тот день твои глаза были точь-в-точь как небо. Поэтому мама и назвала тебя Скай¹, *amorcito*².

Я давно уже не вспоминала о матери. Я ее толком не знала: она умерла, когда я была совсем маленькой. И почему я вдруг подумала о ней? Потому что сама готовилась умереть?

У меня внутри все сжалось. Я спрашивала себя: встречу ли там, в конце тоннеля, маму? Правду ли говорили люди на ток-шоу — те, кто побывал по ту сторону, а потом вернулся обратно? И есть ли вообще «та сторона»?

Мы находились на яхте, пришвартованной у безлюдной пристани. На другом берегу залива Сан-Диего мерцали огни многоэтажек, по центральным магистралям красной змеей ползли автомобили. Я подумала об отце, которого просила не беспокоиться обо мне понапрасну и давать мне побольше свободы. Кроме меня, у него никого не было.

Сейчас он, наверное, ужинал во дворе особняка в Ла-Хойя, на отвесном берегу, откуда открывался вид на тихую бухточку. Отец в совершенстве овладел искусством

¹ Скай (Skye) созвучно *англ.* sky — «небо».

² Милая, дорогая (*исп.*).

пить красное вино, не замочив при этом усов. Он прилебывал напиток нижней губой, забавно наклоняя голову. Как же я скучала по его лохматым седым усам — хоть и морщилась каждый раз, когда он меня целовал. Трижды: в левую щеку, в правую, снова в левую. И так каждый раз, спускался ли он позавтракать или отправлялся колесить по миру. Мои шкафы ломались от дизайнерской обуви, сумочек и побрякушек, но теперь я бы все отдала за три поцелуя Уоррена Седжвика.

— Отец вам заплатит сколько угодно! — сказала я. — Обещаю!

Умоляешь. Торгуешься. Слова сами вылетают изо рта, когда стоишь на пороге смерти.

Ответа я не дождалась. Сильная рука пригнула мою голову к настилу.

Убийца хорошо подготовился: поставил меня на широкое брезентовое полотно, застилавшее почти всю палубу и надежно закрепленное по углам. Я представила, как мое тело заворачивают в брезент и выбрасывают посреди океана.

Разум взбунтовался, а сердце... Сердце все понимало.

— Господи, спаси мою душу. И присмотри за папой, за МамаЛу и Эстебаном. — Я не вспоминала эту молитву уже много лет, но слова полились изо рта, будто я перебирала знакомые четки.

В тот самый миг вся моя боль, все обиды и невзгоды превратились в зыбкое марево, которое рассеялось точно дым перед теми, кто меня любил и кого любила я. Вся моя жизнь свелась к трем поцелуям и трем лицам: отца, няни и ее сына, хотя двоих я не видела с тех пор, как уехала из Мексики.

О ком вы думаете перед смертью?

Я крепко зажмурилась, ожидая щелчка — ледяного, свинцового вестника смерти.

О тех, кого вы любили больше всего.

Глава 2

Вокруг было темно. Хоть глаз выколи. В такую тьму даже верилось с трудом — настолько глубокой и неподвижной она казалась. Я как бы зависла в пустоте — частичка сознания, лишенная рук, ног и голоса. Тьма принесла бы безмятежность, не будь тупой, монотонной пульсации, которая то набегала, то отступала, накатывая волнами одна другой яростней, пока не охватила меня целиком.

Боль.

Моргнув, я поняла, что и так лежала с открытыми глазами, просто вокруг ничего не было — ни сверху, ни снизу — только боль, гудевшая в голове. Я снова моргнула, и снова. Ничего. Ни силуэта, ни тени, ни темных расплывчатых пятен. Кромешная, всепоглощающая тьма.

Я села.

Точнее, попыталась.

На самом деле я не сдвинулась с места. Казалось, мой мозг отделили от тела. Я не чувствовала ни рук, ни ног, ни языка. Слава богу, меня не покинул слух — пусть я и слышала лишь собственное сердце, стучавшее так бешено, будто рвалось из груди наружу. Каждый его сбивчивый толчок отзывался болью в голове, как если бы все мои нервные окончания сосредоточились именно в сердце — в трепещущем кровавом насосе.

Ты слышишь.

Ты можешь дышать.

Даже если зрение пропало, ты все еще жива.

Нет.

Нет!!!

Лучше умереть, чем оказаться в его власти!

Что за хрень он со мной сотворил?

И где я, черт возьми, нахожусь?

* * *

Я уже приготовилась умереть, прошептала молитву, а потом наступила тишина. Похититель легонько, почти благоговейно, погладил прядь моих волос — и наотмашь ударил меня прикладом. Мне показалось, что череп раскололся на мелкие кусочки. Высотки Сан-Диего на горизонте дрогнули, исчезая в черном тумане.

— Кто разрешил тебе болтать?! — услышала я, стукнувшись лицом о палубу.

Удар был сильным и резким, но показался мне долгим и мучительным, словно в замедленной съемке.

Прежде чем потерять сознание, я мельком увидела туфли похитителя.

Итальянские, из мягкой кожи ручной выделки.

Я неплохо разбиралась в обуви — такие туфли не так-то просто найти.

«Почему он не спустил курок?» — подумала я и отключилась.

* * *

Не знаю, как долго я пробыла без сознания. Вопрос накрепко засел у меня в голове, словно дракон у входа в пещеру, готовый окатить меня пламенем чудовищных последствий — таких, что хуже смерти.